

AGNIESZKA ŚCIBIOR
Uniwersytet Jagielloński
ORCID 0000-0002-8093-5695

«Здесь таки цветут святые апельсины!»,
или о еврейских атрибутах речи Лазика Ройтшванца
и их польском переводе

“And yet the holy oranges are blossoming here”,
or about Lasik Roitschwantz’s Jewish language attributes and their Polish translation

Abstract: The article is devoted to the issue of Lasik Roitschwantz’s (the main character of *The Stormy Life Of Lasik Roitschwantz* by Ilya Ehrenburg) Jewish language attributes in the Polish translation of the novel. The author of the paper pays particular attention to the analysis of particles, exclamations, conjunctions, personal pronouns in their conjugation forms and sentence structure. As a result, the article implies that in the majority of cases Jewish language attributes got lost in Polish translation, however, it is partly compensated by the translation of Лазик (the character’s name) as Lejzorek.

Keywords: Ilya Ehrenburg, Lasik Roitschwantz, Jewish language

„A jednak kwitną tutaj święte pomarańcze!”,
czyli o żydowskich atrybutach języka Lejzorka Rojtszwanca i ich polskim przekładzie

Streszczenie: W artykule poruszony jest problem oddania w polskim przekładzie żydowskich cech języka Lejzorka Rojtszwanca, głównego bohatera powieści *Burzliwe życie Lejzorka Rojtszwanca* Ilji Erenburga. Szczególną uwagę autor tekstu zwraca na analizę tłumaczenia atrybutów językowych świadczących o przynależności narodowej bohatera, tj. m.in. partykuły, wykrzyknienia, spójniki, zaimki osobowe w formach koniugacyjnych, budowa zdania. W efekcie w artykule wskazuje się, że w przeważającej większości przypadków żydowskie atrybuty języka nie zostają zachowane w przekładzie, a ich brak zostaje w nieznacznym stopniu zrekomensowany tłumaczeniem imienia bohatera Лазик jak Lejzorek.

Słowa kluczowe: Ilja Erenburg, Lejzorek Rojtszwaniec, żydowskie atrybuty języka, polski przekład, analiza tłumaczenia

Лазик Ройтшванец, главный герой романа *Бурная жизнь Лазика Ройтшванца* Ильи Григорьевича Эренбурга (1891–1967), уже становился объектом внимания литературоведов и публицистов в связи с явными отсылками к легенде о Вечном жиде. Указывалось, что «судьба этого Агасфера раскрывает

нам всю необъятность еврейского вопроса»¹, и что «у приключений несчастного гомельского портного Лазика в каждой стране, куда он перебирался, было свое лицо и своя горечь»². Действительно, легенда о Вечном жиде в *Бурной жизни*... становится своеобразной базой для создания универсального характера романа. С одной стороны, позволяет воспринимать героя не в виде определенного человека, а в виде человека вообще³, с другой, — репродуцирует в 20. годы XX века образ еврея-скитальца, которому как будто именно скитание по миру было суждено по причине принадлежности к еврейской нации.

Одному из аспектов образа эренбургского еврея и посвящена наша статья: мы рассмотрим особенности функционирования еврейских атрибутов речи Лазика Ройтшванца на материале оригинала романа и его польского перевода. Анализ показывает, что речи героя свойственна национальная «подсветка», выражающаяся в наличии слов и грамматических конструкций, чаще всего заимствованных из языка идиш. Для русскоязычного читателя эти вкрапления являются показателем, позволяющим стереотипным путем идентифицировать говорящего как еврея. Или, другими словами, благодаря существующему в русской культуре стереотипу русского еврейского языка⁴, русскоязычный читатель опирается на его стереотипные черты. В польском еврейском

¹ Перевод мой — А.С. «[...] los tego Żyda wiecznego tułacza odsłania nam cały ogrom sprawy żydowskiej». Hulka-Laskowski, Nowe wcielenie Żyda wiecznego tułacza [рецензия на I. Erenburg, *Burzliwe życie Lejzorka Rojtszwańca*, перевод. M. Grabowska, Towarzystwo Wydawnicze «Rój», Warszawa 1928], «Wiadomości Literackie» 1929, nr 34.

² Н. Лейдерман, М. Липовецкий, М. Литовская (ред.), *Русская литература XX века: 1930-е—середина 1950-х годов: учебное пособие для студентов учреждений высшего образования в двух томах*, Издательский центр «Академия», Москва 2014, т. 1, с. 156.

³ См. P. Fast, *Jesteśmy za przeproszeniem... ludźmi* [рецензия на I. Erenburg, *Burzliwe życie Lejzorka Rojtszwańca*, перевод М. Popowska, М. Popowska, Czytelnik, Warszawa 1988], «Tak i Nie» 1988, № 24, с. 13.

⁴ «Русский еврейский язык (Jewish Russian) возник в результате перехода носителей идиша на русский язык в период с середины XIX по середину XX века на территории России и Советского Союза. Причины перехода еврейского населения на русский язык были разными, например, решающим стал тот факт, что в 1917 году были сняты ограничения на поселение евреев в русских городах, и в результате произошло что-то вроде массовой миграции. В итоге, перебравшись из маленьких местечковых поселений в города с русским большинством, по практическим соображениям евреи стали осваивать русский язык в ущерб идишу. Но всё-таки некоторые компоненты идиша остались жить в языке русских евреев на всех лингвистических уровнях, от лексики до грамматики. Характерно то, что переход на русский произошёл с разных диалектов идиша, чем объясняется некоторое варьирование особенно на лексическом уровне». I. Kabanen, *Johdatus Odessan. Kielen Erikoispiirteisiin Masters Dissertation*, University of Helsinki, Helsinki 2008, <http://www.helsinki.fi/venaja/opiskelu/graduaja/kabanen.pdf> [15.10.2017].

языке (т.н. «żydłaczenie»⁵) показатели еврейской речи, разумеется, в большинстве случаев очерчены по-другому, чем в русском. Поэтому нас, в первую очередь, будет интересовать не то, сохранились ли точно все русские речевые маркеры национальной принадлежности персонажа в польском переводе, а то, не исчезла ли из польского перевода еврейская окраска речи героя и, следовательно, позволяет ли так или иначе польский перевод воспринимать Лазика Ройтшванца как еврея. Кроме того, в тех случаях, где, на наш взгляд, переводчица — Мария Грабовска, не справилась с поставленной перед ней задачей, будем предлагать свои варианты перевода, опираясь преимущественно на работу *Polszczyzna Żydów*⁶ авторства историка польского языка Марии Бжезины (Maria Brzezina).

Однако прежде чем перейти к непосредственному анализу еврейских атрибутов речи героя, поясним, что существуют два польских перевода *Бурной жизни*...: первый — 1928 года — авторства Марии Грабовской, и второй — 1957 года — выполнен той же самой переводчицей, но пользующейся уже фамилией Поповска. Следует заметить, что перевод 1957 года не является полностью новым, по сути это лишь переделка первой версии. Вторая попытка перевода уже переведенного ранее романа объясняется, скорее всего, желанием дополнить текст произведения отсутствующими в первом переводе фрагментами, а также учетом читательских пожеланий, вызванных реформой польской орфографии 1936 года⁷. В дальнейшем при анализе будем ссылаться на перевод Марии Поповской, вышедший из печати в 1988 году⁸ т.е. переиздание перевода 1957 года.

В русском языке, как уже отмечалось, существует богатый арсенал средств, служащих представлению речи русскоязычного еврея. Это среди прочего специальные еврейские словечки, в том числе частицы, союзы, междометия, а также словосочетания и строй предложения.

В этой парадигме еврейских атрибутов речи русскоязычного еврея ведущее место занимает усилительно-утвердительно-

⁵ «Uczenie się języka państwowego w sposób naturalny, tzn. poprzez rozmowy, do których zmuszało współżycie wspólnoty mniejszościowej ze wspólnotą większościową, oraz dysproporcje w codziennym używaniu języka państwowego i mniejszościowego doprowadziły do powstania specyficznej odmiany polszczyzny żydowskiej, zwanej potocznie kaleką, koszlawą lub zepsutą albo też żydłaczeniem». М. Brzezina, *Polszczyzna Żydów*, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, Warszawa 1986, с. 135.

⁶ Там же.

⁷ См. Z. Saloni, *O kodyfikacji polskiej ortografii — historia i współczesność*, «Nauka» 2005, № 4, с. 76.

⁸ I. Erenburg, *Burzliwe życie Lejzorka Rojtszwańca*, перевод М. Поповска, Czytelnik, Warszawa 1988.

ная частица «таки»⁹, которая употребляется не всегда уместно, можно даже утверждать, что в большинстве случаев она выступает как слово-паразит¹⁰. В нормативном русском языке частица «таки» не используется самостоятельно, а сочетается через дефис с предшествующим ей глаголом (например, «приехал-таки») или входит в состав неизменяемых наречий (например, «все-таки», «опять-таки», «прямо-таки», «довольно-таки»). Данная частица была заимствована русским языком из идиш в словосочетании «таки да»¹¹, т.е. в буквальном переводе «take jo» из идиш¹². Разница между «таки» в русском языке, а «take» в идиш заключается в месте употребления этой частицы в предложении. За иллюстрацией обратимся к тексту Эренбурга:

Здесь **таки** цветут святые апельсины!¹³ (с. 227).

В приведенной фразе, а точнее, фрагменте высказывания Лазика Ройтшванца, наблюдается идишизм: частица «таки» находится перед словом, к которому относится. Согласно нормам русского языка, процитированное выше предложение должно выглядеть так:

Здесь цветут **-таки** святые апельсины!

В данном примере частица «таки» выступает после глагола и пишется через дефис. При всей разнице в местоположении частицы ее значение в русском языке и в идиш одинаково.

Теперь обратим внимание на польский перевод:

(1) Что, Фенечка, ты **таки** прогадала? (с. 86).

Cóż, Feniusiu, zgapiłaś się **jednak**? (с. 68).

(2) Что? Вы не знаете, с кем говорите? Это **таки** странно (с. 177).

Co? Pan nie wie, z kim pan mówi? To jest **jednak** dziwne (с. 138).

⁹ «Таки — утверждение. Это был таки выстрел, достойный кайзера Вильгельма с его железной каской на голове». В.П. Смирнов, *Большой полутолковый словарь одесского языка*, Друк, Одесса 2002, <http://www.ta-odessa.com/humor/dictionary/index.php?letter=t&id=630> [15.10.2017].

¹⁰ «Слова-паразиты — слова устной речи, не несущие никакой информации и затрудняющие понимание излагаемой мысли». Л.Л. Нелюбин, *Толковый переводоведческий словарь*, «Наука», Москва 2003, с. 199.

¹¹ «Таки да — более сильное утверждение, чем просто таки. У него таки да была женщина навроде жены. И что вы думаете, эти малохолные взяли и не пошли в музей воровать мумия эгипетского фараона? Таки да пошли!». В.П. Смирнов, *Большой полутолковый словарь...*, <http://www.ta-odessa.com/humor/dictionary/index.php?letter=t&id=631> [15.10.2017].

¹² См. А. Verschik, *Jewish Russian and the field of ethnolect study*, «Language in Society» 2007, с. 227.

¹³ И.Г. Эренбург, *Бурная жизнь Лазика Ройтшванца*, Издательский Дом «Кристалл», Санкт-Петербург 2002 (все ссылки на текст романа будут приводиться по этому изданию, страницы обозначены в скобках).

В обоих примерах, как видим, частица «таки» переводится словом «jednak», которое толкуется как:

(1) spójnik przyłączający zdanie o treści niezgodnej z tym, co można wnioskować na podstawie zdania poprzedzającego; (

(2) partykuła komunikująca, iż to, o czym mowa w zdaniu, jest niezgodne z przewidywaniami mówiącego, np. «Ta książka była jednak za droga»¹⁴.

На наш взгляд, ни первое, ни второе толкование слова «jednak» не соответствует «таки» в оригинале. В высказываниях героя «таки» выступает, скорее всего, в значении утвердительно-оговорочного слова «да», «точно», «определенно» и т.п., и уж точно не выражает противопоставления, как в переводе. Кроме того, заострим внимание на главном обстоятельстве: частица «таки (да)», употребляемая в препозиции, является в русском языке наиболее известным и, подчеркнем, стереотипным показателем того, что говорящий — еврей. Не случайно это словечко появляется в большинстве русских анекдотов про евреев¹⁵. В тексте романа присутствие данной частицы в высказываниях Лазика Ройтшванца сразу выдает его национальную принадлежность. Слово «таки» в подлиннике наделено национальной окраской, которая, к сожалению, в переводе не выражается. Кстати, заметим, что в польском еврейском языке Восточных кресов частица «taki», толкующаяся как «właśnie, mimo tego, przecież, i tak»¹⁶, правда, употреблялась, однако она не была, так скажем, общеизвестной, поэтому перевод «таки» как «taki» был бы совсем неуместным. Таким образом, чтобы сохранить национальную окраску подлинника, по нашему мнению, возможный перевод процитированных выше фрагментов, может быть следующим:

(1) Co, Feniusiu, zgapiałś **sobie**?

В данной фразе, как видим, с одной стороны пропускаем частицу «таки», с другой — компенсируем ее другим образом, а именно используем свойственное польскому еврейскому языку колебание в употреблении «się» как форманта возвратной формы глагола, т.е. вместо «się» употребляем «sobie»¹⁷.

¹⁴ *Słownik języka polskiego*, PWN, <http://sjp.pwn.pl/slowniki/jednak.html> [15.10.2017].

¹⁵ См. напр. *Старые добрые еврейские хохмы*, <http://www.jerusalem-korczak-home.com/anek/a1.html> [15.10.2017].

¹⁶ M. Brzezina, *Polszczyzna Żydów...*, с. 500.

¹⁷ Там же, с. 225.

Следующий пример:

(2) **O wa! (Owa!)** Pan nie wie, z kim pan mówi? Dziwne (с. 138).

Здесь пропущенную частицу «таки» компенсируем характерным для еврейской среды междометием «o wa!» («owa!»), обозначающим «emocjonalny wykrzyknik (najczęściej wyrażający ironię, lekceważenie)»¹⁸.

Кстати говоря, предложенные выше варианты перевода, конечно, не являются единственно возможными. Возможность перевода как частицы «таки», так и других еврейских атрибутов речи героя *Бурной жизни...*, о которых будет речь ниже, несомненно зависит от контекста их употребления. К тому же сопоставительный анализ оригинала с переводом ни в коей мере не преследует цель подвергнуть его критике, а является, скорее, базой для выявления других возможных вариантов.

В речи Лазика Ройтшванца появляется также усилительная частица «же» («ж»), которая точно так же, как и частица «таки (да)», является чертой, отличающей русскую речь от, так скажем, русской речи с еврейским «акцентом», поэтому она также часто используется россиянами с целью имитации еврейского «говора»¹⁹. В обычном русском языке частица «же» («ж»), естественно, употребляется, однако гораздо реже. Приведем несколько характерных примеров фиксации еврейского «же» в речи героя произведения — в оригинале и переводе:

(1) Что **ж** это за Святая земля, куда так трудно попасть маленькому еврею? (с. 221).

Cóż to za Święta Ziemia, do której tak trudno jest dostać się małemu Żydkowi? (с. 172–173).

(2) Где **же** раздобыть их портреты? (с. 11).

Gdzież tu zdobyć ich wizerunki? (с. 10).

Заметим, что в переводе на польский язык в обоих эквивалентах сохраняется усилительная функция, однако, стоит подчеркнуть, польские варианты лишены ассоциативной связи с показателями еврейской манеры говорения. Впрочем, как будет видно из дальнейшего, уже процитированные выше фрагменты перевода ярко иллюстрируют установку Поповской: ей было важно передать значение переводимого слова, причем воспроизведение его еврейской окраски, пожалуй,

¹⁸ Там же, с. 380.

¹⁹ I. Kabanen, *Johdatus Odessan. Kielen Erikoispiirteisiin Masters Dissertation...*

воспринималось переводчицей не настолько важным. Поэтому перевод исходных фрагментов, с нашей точки зрения, может выглядеть в частности так:

(1) **Aj! aj!** Co to za Ziemia Świąta, do której tak trudno trafić małemu Żydowi?

(2) **Aj! aj!** Gdzie tu zdobyć ich wizerunki?

Итак, местоименные вопросительные слова с усилительными частицами, т.е. «что ж», «где же», переводим эквивалентными местоименными вопросительными словами «со», «gdzie», а усилительную функцию пропущенных частиц («ж», «же») компенсируем добавлением эмоционального междометия «aj! aj!»²⁰.

Не менее интересные результаты дает рассмотрение перевода союза «или». Так, служебное слово «или» выступает в речи главного героя *Бурной жизни...* не только как союз, употребляемый для постановки альтернативного вопроса, но и в необычной функции: в зависимости от интонации говорящего может быть средством выражения вопроса²¹. В высказываниях героя союз «или» имеет вопросительный характер. Иллюстрацией послужат следующие фрагменты произведения:

(1) Где ваши брови, черные, как мой страх? **Или** это я ослеп от новобрачного ожидания? (с. 189).

Gdzie brwi czarne jak moje przerażenie? **Czyżbym** oślept z młodożeńczego oczekiwania? (с. 148).

(2) Где же мой рай? **Или** я его еще не выкроил? (с. 234).

Gdzież mój raj? **Czyżbym** go sobie jeszcze nie skroił? (с. 183).

В польской версии приведенных выше фрагментов союз «или» передается эквивалентным вопросительным словом. Однако, как видим, при переводе не всегда использование переводного эквивалента считается вполне удачным решением, поскольку в данном контексте союз «или» вызывает зафиксированные в русском языке коннотации, связанные с еврейской средой, и его перевод словом «czyżby», так скажем, культурно нейтральным, лишает польский вариант возможной ассоциативной связи с еврейским «говором». Поэтому перевод исходных фрагментов может выглядеть следующим образом:

(1) Gdzie wasze brwi czarne jak mój strach? **Nu, nu, nu**, czy ja aby nie ośleptem od nowożeńczego oczekiwania? / **Nu, nu, nu**, czyżbym oślept od nowożeńczego oczekiwania?

²⁰ M. Brzezina, *Polszczyzna Żydów...*, с. 324–325.

²¹ Там же.

(2) Gdzież mój raj? **Nu**, czyżbym go sobie jeszcze nie skroił?

Так, чтобы сохранить присущий оригинальным отрывкам еврейский «акцент» речи Лазика Ройтшванца мы прибегаем к добавлению частицы «nu», которая, пожалуй, является наиболее часто употребляемым стилизационным элементом²².

К разряду «маркеров» еврейства, довольно часто появляющихся в речи главного героя *Бурной жизни...*, относим также междометие «ой», которое по *Большому полуполковому словарю одесского языка* определяется как:

наиболее распространенное междометие, без лишних слов объясняющее в каком эмоциональном состоянии находится его произносящий. Зачастую в переводе с одесского на одесский язык «Ой» — «Я вас умоляю»²³.

Среди еврейского населения, говорящего на русском языке, часто употребляется расширенный вариант междометия «ой, зэй!» («вей»), ведущий свое начало от словосочетания «Oy veu iz mir» в языке идиш, которое на русский язык переводится как «Ой, горе мне!», а также «Боже мой! Караул!»²⁴. Междометие «Ой» как усеченный вариант словосочетания из идиш применяется не только в горестных жизненных ситуациях, но и по любому поводу, нередко вызывая комический эффект. Следующие примеры иллюстрируют сказанное:

(1) **Ой**, как мне больно! Я не художник, чтобы сидеть и пачкать матерью, я честный портной (с. 184).

(2) **Ой**, Фенечка Гершанович, хорошо, что ты меня сейчас не видишь...! (с. 222).

Теперь присмотримся к польскому переводу:

(1) **Oj**, to boli! Ja nie jestem żaden malarz, żeby siedzieć i brudzić materiał, ja jestem uczciwy krawiec (с. 144).

(2) **Oj**, Feniusiu Gierszanowicz, jak to dobrze, że mnie teraz nie widzisz...! (с. 172).

Итак, несмотря на формальную эквивалентность междометия «oj», в данном переводе, точно так же, как и в рассматриваемом ранее примере еврейская окраска нивелируется. По-

²² Там же, с. 378–380.

²³ В.П. Смирнов, *Большой полуполковный словарь...*, <http://www.ta-odessa.com/humor/dictionary/index.php?letter=o&id=481> [15.10.2017].

²⁴ В.П. Смирнов, *Большой полуполковный словарь...* [15.10.2017].

этому вместо «oj» можно применить «aj waj!», т.е. «wykrzyknik wyrażający strach, obawę»²⁵:

(1) **Aj waj!** to boli...! Ja nie jestem malarz, żeby siedzieć i paprać materiał, ja jestem uczciwy krawiec.

(2) **Aj waj!** Feniusiu Gierszanowicz, dobrze, że mnie teraz nie widzisz.

К тому же «aj waj!», как и частица «ни», о которой уже говорилось — это в глазах польскоязычного читателя один из сильнейших показателей еврейской манеры говорения, делающий ее и евреев как бы неразличимыми друг от друга.

Перейдем теперь к словосочетанию «гомельское счастье». Оно появляется в высказываниях Ластика Ройтшванца всего лишь трижды, однако с учетом разнообразия переводческой трактовки стоит на нем более подробно остановиться. В рамках настоящей статьи приведем только один фрагмент, но отметим, что каждое три раза данное словосочетание переводится одинаково, т.е. как «homelski pech».

— [...] Я в Гомеле тоже искал снисходительную девушку. Но Феня Гершанович оказалась неприступной, как два американских замка. Правда, потом она стала снисходительной, но не ко мне, а к Шацману, и, конечно, тогда она перестала быть девушкой. Это называется **гомельское счастье!** (с. 83).

— [...] Ja też szukałem w Homlu pobłaźliwego dziewczęcia. Lecz Fenia Gerszanowicz okazała się niedostępna jak dwa amerykańskie zatraski. Wprawdzie później ona się zrobiła pobłażliwa, lecz nie dla mnie, tylko dla Szacmana, i wówczas, oczywiście, przestała być dziewczęciem. To się nazywa mieć **homelskiego pecha!** (с. 65).

Следует обратить внимание, что словосочетание «гомельское счастье» в представленном контексте напрямую ассоциируется с известным фразеологизмом «еврейское счастье», который определяется как:

[...] такое счастье, которое имели счастье избежать другие нации.

Англичане, сейчас вы будете иметь еврейское счастье.

— Рабинович, что такое счастье?— Иметь такую родину, как наша.

— А что такое несчастье?

— Иметь такое счастье²⁶.

Сочетание слов «еврейское счастье» наделено неким ироническим оттенком, поскольку под ведущим понятием по-

²⁵ M. Brzezina, *Polszczyzna Żydów...*, с. 225–227.

²⁶ В.П. Смирнов, *Большой полутолковый словарь...*, <http://www.ta-odessa.com/humor/dictionary/index.php?letter=e&id=206> [15.10.2017].

дразмевается не благополучие, а совсем наоборот — невезучесть, неудачу и т.п. Словосочетание «гомельское счастье», употребляемое главным героем произведения, имеет именно такое значение. К тому же использование иронически окрашенных оборотов, тонко намекающих на еврейские историю, культуру, быт — это тоже характерная черта еврейской речи. Ироническая окраска, появляющаяся нередко в высказываниях евреев, является, скорее всего, одним из способов справиться с жизненным невезением, поскольку все, над чем можно насмеяться, становится менее устрашающим²⁷. Заметим, что польское соответствие — „homelski pech” — буквально передает основное значение, но при этом теряется прямая ассоциация с еврейским фразеологизмом, и, как следствие, пропадает свойственный фразе иронический оттенок. Следовательно, в данном случае лучше использовать прием дословного перевода, т.е. перевести «гомельское счастье» как «homelskie szczęście».

Кроме частиц, союзов, междометий и словосочетаний, о которых речь шла выше, показательным примером еврейской манеры говорить на русском языке является использование синтаксических конструкций, начинающихся со слова «чтоб(ы)». Материал романа дает тому наглядные подтверждения:

(1) **Чтоб** они сдохли с этой невыносимой бочкой! (с. 23).

Żeby oni zdechli ze swoją nieznośną beczką! (с. 19).

(2) **Чтоб** моим врагам было так хорошо [...] (с. 35).

Żeby moim wrogom było tak dobrze [...] (с. 28).

Приведенные реплики принадлежат, правда, не Лазик Ройтшванцу, а другим героям *Бурной жизни...*, т.е. первая — парикмахеру Левке, вторая — Осе Залкину, однако при анализе еврейских атрибутов речи, кажется, стоит попутно о них вспомнить. Обе эти фразы являются отголосками известной еврейской клятвы на русском языке — «Чтоб я так жил!», которая по *Большому полутолковому словарю одесского языка* толкуется как:

[...] наиболее сильная из клятв. Произносящий ее отвечает не здоровьем, которое иногда удается поправить, а самим фактом своего существования. «Скульптора обяжали вернуть аванс, хотя его произведение было

²⁷ Данные выводы делаем на основании: J. Telushkin, *Humor żydowski. Co najlepsze dowcipy i facecje żydowskie mówią o Żydach?*, перевод Е. Westwalewicz-Mogilska, Bellona, Warszawa 2010.

ни разу не лучше, чем другие на заданную тему. Такое же уродливое, чтоб я так жил!»²⁸

В первом примере плохое пожелание выражено эксплицитно, а во втором — имплицитно, т.е. подразумевается, что говорящий желает врагам не хорошего, а совсем напротив. Перевод данных примеров не вызывает больших затруднений, поскольку в польском еврейском языке существует эквивалентная конструкция клятвы, что видно из следующего отрывка: «[...] żeby moje wrogi we wszystkim takie szczęście mieli, jak ja jej życzę!»²⁹.

Рассматривая «маркеры» еврейства в речи Лазика Ройтшванеца нельзя упускать из виду такую особенность, как личное местоимение, выступающее членом спрягаемой формы глагола (калька из идиш)³⁰. Это иллюстрируют следующие примеры:

(1) **Я плачу. Я опускаюсь** в вашу Исландию. **Я**, кажется, снова падаю без всяких чувств... (с. 122)³¹.

Ja płacze. Ja się zanurzam w pańskiej Islandii. **Ja**, zdaje się, znowu padam bez żadnych zmysłów... (с. 96).

(2) **Он плюнул** и на богатство, и на жену, и на почет. **Он** на все плюнул. **Он сидел** в тесной каморке и ел сухой хлеб. **Он читал** невыносимые книги, вроде китайского вопроса, и двадцать четыре часа в сутки **он думал** над этими книгами. **Он был**, кажется, самым сильным человеком [...] (с. 33–34).

Он gwizdnął i na bogactwo, i na żonę, i na szacunek. **Gwizdnął** na wszystko. **Zaszył się** w ciasnej klitce i jadł suchy chleb. **Он czytał** nieznośne księgi w rodzaju chińskiego zagadnienia i przez dwadzieścia cztery godziny na dobę rozmyślał nad tymi księgami. **Он był**, zdaje się, najmocniejszym człowiekiem [...] (с. 27)³².

Здесь перевод вызывает сомнения. С одной стороны, весьма удачно воспроизводится нагромождение местоимения «я», с другой — далеко не во всех случаях сохраняется местоимение «он».

²⁸ В.П. Смирнов, *Большой полутолковый словарь...*, <http://www.ta-odessa.com/humor/dictionary/index.php?letter=ch&id=756> [15.10.2017].

²⁹ M. Brzezina, *Polszczyzna Żydów...*, с. 436.

³⁰ Там же, с. 218–220.

³¹ Обратим внимание, что местоимение «я» — это подлежащее единственно возможное в данном случае, поскольку никаким другим словом нельзя обозначить субъект действия, если глагол выступает в предложении в первом лице единственного числа. Однако, частая, кажется, чрезмерная повторяемость местоимения «я» в речи персонажа, по нашему мнению, является не только показателем «еврейства», но и она связана с тем, что герой произведения сосредоточен на себе. Учитывая широкий контекст романа, знаем, что Лазик все время оказывается в конфронтации с миром, делает все для того, чтобы просто выжить. Поэтому он фиксирует все, что имеет к нему отношение.

³² В цитированных фрагментах как на русском, так и на польском языках жирным шрифтом обозначаем личное местоимение (здесь подлежащее), подчеркиваем одной линией — глагол (здесь сказуемое).

Завершить же парадигму еврейских атрибутов речи Лазика Ройтшванца можно так называемым «вопросно-ответным ходом». Разберем следующие примеры:

(1) — Конечно, венки запрещены. Но ведь нужно класть солому. **Что такое солома?** Увядашие цветы (с. 148).

— Naturalnie, że wieńce są zakazane. Ale wszak należy kłaść słomę. **Co to jest słoma?** Zwiędłe kwiaty (с. 116).

(2) — [...] Я сведу вас с хорошими людьми. Не люди — золото. Чеки из Ревеля.

Знаете Ревель? [...] — Ревель? Это, кажется, кильки? (с. 161)

— [...] Poznam pana z porządnymi ludźmi. Nie ludzie — po prostu złoto. Czeki z Rewla. **Zna pan Rewel?** [...] — Rewel, to zdaje się, kilki? (с. 126)³³

Наконец — попутно — нельзя не отметить, что вопросительные ответы и в глазах польскоязычного читателя отражают специфическую восторженность «еврейской» речи, что часто пародируется в анекдотах про евреев: «Goj pyta się Żyda: 'Dlaczego Żyd zawsze odpowiada pytaniem na pytanie?' Żyd odpowiada mu: 'A dlaczego Żyd nie ma odpowiadać pytaniem na pytanie?'»³⁴. Поэтому в данном случае перевод оказался весьма простой задачей.

Итак, подводя итоги, можно констатировать следующее: из девяти проанализированных нами еврейских атрибутов речи Лазика Ройтшванца в переводе сохранились лишь три из них, а именно синтаксическая конструкция, начинающаяся со слова «чтоб(ы)»; личное местоимение, выступающее членом спрягаемой формы глагола и так называемый «вопросно-ответный ход». С одной стороны, потеря в польском переводе точно таких же показателей еврейской речи героя, как в оригинале, бесспорно, представляется неминуемой. Как известно, например, частица «таки» не имеет в польском языке эквивалента, а ее буквальный перевод категорически неприемлем, поскольку данное слово польскоязычному читателю никак с еврейской речью не ассоциируется. С другой стороны, из польского варианта не должны исчезать показатели еврейской манеры говорения, являющиеся, подчеркнем, неотъемлемой чертой речи героя в целом. Концептуально перевод Поповской, можно сказать, адекватен оригиналу, однако, заметим, не адекватность перевода в данном случае должна являться самоцелью,

³³ В цитированных фрагментах как на русском, так и на польском языках жирным шрифтом обозначаем вопросы, а подчеркиванием одной линией — ответы.

³⁴ См. S. Landmann, *Śmiech po żydowsku, czyli wczorajszy i dzisiejszy świat w dowcipach i dykteryjkach żydowskich*, перевод, R. Stiller, Uraeus, Gdynia 1999, с. 43.

а воспроизведение еврейских атрибутов речи героя так, чтобы сохранить возможную ассоциативную связь с еврейской речью как таковой в **принимаящем перевод инокультурном пространстве**. Ведь, показатели, позволяющие идентифицировать говорящего как еврея здесь не только атрибут речи героя, они служат и для характеристики Лазика Ройтшванца, в которой важно, и то, что говорит, и то, как говорит герой. Отсутствие большинства еврейских атрибутов речи в польском переводе как следствие лишает польский вариант еврейской окраски речи героя как таковой. В польской версии *Бурной жизни*... Лазик Ройтшванец не говорит «по-еврейски» настолько, чтобы польскоязычный читатель сразу же стереотипным путем идентифицировал речь героя как «еврейскую». Однако в переводе Поповской выступает элемент, который, кажется, позволяет так или иначе воспринимать Лазика Ройтшванца как еврея. Этим элементом является перевод имени героя *Лазик* как *Lejzorek*.

Следует обратить внимание, что в русском языке слово *лазик* имеет лишь одно значение, т.е. функционирует в языке только как уменьшительная форма имени *Лазарь*. В польском языке лексическое значение слова *łazik* чрезвычайно расширяется. *Łazik* обозначает личное имя, о чем свидетельствует хотя бы заглавие анонимного испанского романа XVI века: *Żywot Łazika z Tormesu*. Кроме ласкательной формы, в польском языке слово *łazik* имеет еще другое толкование. Учитывая, что первый польский перевод романа был издан в 1928 году, сошлемся на определение слова *łazik*, помещенное в *Словаре польского языка (Słowniku języka polskiego)*, составленном в 1900–1927: «[...] wesz, pasorzyt³⁵ żyjący na skórze zwierząt domowych»³⁶. Кроме того, в разговорном польском языке, *łazik* (от глагола *łazić*) — это шутовское название человека, бродящего без цели из одного места в другое: «człowiek wałęsający się; włóczęga; żartobliwie: turysta»³⁷, «dezertier; próżniaczy pracownik często zmieniający miejsce pracy»³⁸ или определение легкого внедорожника: «lekki osobowy samochód wojskowy z otwartym nadwoziem»³⁹, «lekki, zwrotny, otwarty samochód wojskowy»⁴⁰. Интересным именно с точки зрения перевода является пере-

³⁵ Оригинальная запись — А.С.

³⁶ J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki (ред.), *Słownik języka polskiego*, Drukarnia «Gazety Handlowej», Warszawa 1904, т. 3, с. 803.

³⁷ М. Сzymczak (ред.), *Słownik języka polskiego*, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, Warszawa 1988, т. 2, с. 71.

³⁸ W. Doroszewski (ред.), *Słownik języka polskiego*, Polska Akademia Nauk, Warszawa 1962, т. 4, с. 286.

³⁹ М. Сzymczak (ред.), *Słownik języka polskiego*..., с. 71.

⁴⁰ W. Doroszewski (ред.), *Słownik języka polskiego*..., с. 286.

водческая замена⁴¹ имени главного героя произведения *Łazik* именем *Lejzorek*. Имя *Lejzorek* — это уменьшительная форма имени *Lejzor*, о чем свидетельствует суффикс *-ek*, являющийся характерной для польского языка частью слова, придающую новому слову уменьшительно-ласкательное значение. Итак, чтобы обнаружить связь между именами *Łazarz* — *Lejzor* и, следовательно, их гипористическими формами, т.е. *Łazik* — *Lejzorek*, необходимым считаем обратиться к списку еврейских имен из 1928 года, составленному выдающимися представителями еврейской научно-религиозной среды. Данный список исключал искаженные и уменьшительные формы имен, т.е. те, которые не квалифицировались внести их в книги регистрации актов гражданского состояния⁴². Среди исключенных имен в этом списке находится имя *Lejzor*, рядом с которым дается правильный вариант данного имени — *Eliezer*⁴³. Имя *Łazarz* «wywodzi się od wyrażenia *eliāzar (Bóg wspomógł)* — na tej podstawie powstało imię *Eleazar*, które w starożytnej grece miało formę *Lazaros*, a w łacinie *Lazarus*»⁴⁴. Имена *Eliezer* и *Eleazar* употреблялись взаимозаменяемо. К тому же у евреев популярным считается пользоваться двойным именем. Одно из них, так называемое «святое имя», употребляется при религиозных обрядах, а второе — «присвоенное имя», используется в повседневной жизни⁴⁵. Имя *Lejzor (Lejzorek)* является то ли местным, то ли разговорным вариантом официального имени *Łazarz (Łazik)*. Таким образом, переводческое решение Поповской относительно применения имени *Lejzorek* в переводе имени главного героя произведения Эренбурга считаем целиком оправданным. Заметим, что перевод на польский язык имени *Лазик* при помощи слова *łazik*, которое, подчеркнем, имеет некий иронический оттенок, было бы совершенно неуместным. Имя *Lejzorek* в польском языке не вызывает ни шуточных, ни иронических ассоциаций. К тому же данное имя точно так же, как и в оригинале является уменьшительной формой полного имени. Конечно, необходимо подчеркнуть, что перевод имени героя *Лазик* как *Lejzorek* все-таки полностью не выкупает недостатков перевода, однако, несомненно, помогает польскоязычному читателю в еврейской идентификации главного героя *Бурной жизни*...

⁴¹ «Замена — грамматическая или лексическая (или комплексно лексико-грамматическая) перестройка различных единиц исходного текста». См. Л.Л. Нелюбин, *Толковый переводоведческий словарь*..., с. 55.

⁴² См. Л. Кошка (ред.), *Imiona przez Żydów polskich używane*, Austeria, Kraków 2002, с. 15.

⁴³ См. там же, с. 107.

⁴⁴ J. Grzenia, *Słownik imion*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2008, с. 218.

⁴⁵ См. *Imiona*..., с. 22.